

Annotation

Единственный человек, проявляющий признаки жизни, собирался в дорогу. За много месяцев тут не останавливался никто, кроме него, а теперь и сам он уезжал, чтобы вернуться к своим врачебным обязанностям. Молодой врач был приятен на вид. Его острое лицо светилось юмором, а рыжие волосы и кошачья ловкость движений не подходили к тупому покою заброшенного кабачка. Сейчас он пытался затянуть ремни докторского саквояжа. Ни хозяин, стоявший за шаг от него, ни слуга, топтавшийся под дверью, не пытались помочь ему то ли от уныния, то ли потому, что просто отвыкли. ...

- [Честертон Гилберт Кийт](#)
 -
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Честертон Гилберт Кийт

Диковинные друзья

Гилберт Кийт Честертон

Диковинные друзья

из сборника "Поэт и безумцы" (1929 г.).

Кабачок "Восходящее солнце", судя по его виду, должен бы называться солнцем заходящим. Стоял он в треугольном садике, скорее сером, чем зеленом; обломки изгороди поросли печальными камышами, сырые и темные беседки совсем обвалились, а в грязном фонтане сидела облупленная нимфа, но не было воды. Самые стены не столько украшал, сколько пожирал плющ, сжимая в кольцах, словно дракон, старый кирпичный костяк. Перед кабачком шла пустынная дорога. Просекая холмы, она вела к броду, которым почти не пользовались с тех пор, как ниже по течению построили мост. У входа стояли стол и скамья, над ними висела потемневшая вывеска, изображавшая бурое солнце, а под вывеской маялся кабатчик, уныло глядя на дорогу. Черные, прямые волосы оттеняли нездоровый багрянец его лица, мрачного, как закат, но не такого красивого.

Единственный человек, проявляющий признаки жизни, собирался в дорогу. За много месяцев тут не останавливался никто, кроме него, а теперь и сам он уезжал, чтобы вернуться к своим врачебным обязанностям. Молодой врач был приятен на вид. Его острое лицо светилось юмором, а рыжие волосы и кошачья ловкость движений не подходили к тупому покою заброшенного кабачка. Сейчас он пытался затянуть ремни докторского саквояжа. Ни хозяин, стоявший за шаг от него, ни слуга, топтавшийся под дверью, не пытались помочь ему то ли от уныния, то ли потому, что просто отвыкли.

Долго стояла тишина. Он трудился, они томились, пока не раздались один за другим два резких звука. Ремень лопнул, врач сердито и весело чертыхнулся.

- Ну и дела... - сказал доктор Гарт. - Придется его чем-нибудь перевязать. Есть у вас тут веревка?

Задумчивый кабатчик неспешно повернулся и пошел в дом. Вскоре он вынес длинную, пыльную веревку, завязанную петлей. Должно быть, ею привязывали осла или теленка.

- Другой нету, - сказал он. - Я и сам теперь в петле.

- Что-то у вас нервы расшатались, - заметил врач. - Вам нужно попринимать тонизирующую микстуру. Может, мой чемодан для того и открылся, чтобы я вам подобрал лекарство.

- Мне бы синильной кислоты, - отвечал владелец "Восходящего солнца".

- Я ее обычно не прописываю, - весело откликнулся Гарт. - Что и говорить, снадобье приятное, но мы не можем гарантировать полного выздоровления. Однако вы и впрямь приуныли. Вы даже не очнулись, когда я, по чудачеству, оплатил счет.

- Спасибо вам, сэр, - невесело ответил кабатчик. - Много нужно оплатить счетов, чтобы спасти мое заведение. Все шло хорошо, пока за рекой была дорога. Нынешний помещик ее закрыл, и люди ездят через мост, а не через нашу переправу. Никого нету, кроме вас. Да и зачем...

- Говорят, помещик и сам почти что разорился, - сказал Гарт. - Историческое возмездие!.. Они с сестрой живут в настоящем замке, но, как я слышал, жить им не на что. Да и вся округа приходит в упадок. А вы зря сказали, - вдруг прибавил он, - что тут никого нет. Вон на холме двое, они сюда идут.

Дорога бежала к реке через долину, а за рекой, за переправой, поднималась по холму к воротам Уэстермэйнского аббатства, черневшего на фоне бледных облаков, или, вернее, мертвенно-бледных туч. Но с этой стороны, над лощиной, небо было чистое и сияло так, словно не вечер наступал, а разгоралось утро. По белой дороге шли двое, и даже издали было видно, что они не похожи друг на друга.

Когда путники приблизились, это стало еще виднее и особенно бросалось в глаза оттого, что шли они совсем рядом, чуть ли не под руку. Один из них был коренастый и маленький, другой - тощий и на удивление высокий. Волосы у обоих были светлые, но тот, кто пониже, гладко причесывал их на пробор, а у того, кто повыше, они причудливо торчали во все стороны. Лицо у низенького было квадратное, а глаза такие маленькие и яркие, что острый носик казался клювом. Он и вообще походил на воробья, во всяком случае, на городскую, а не на сельскую птичку. Одет он был аккуратно и незаметно, как клерк, и в руке держал небольшой портфель, словно шел на службу. Высокий нес на плече рюкзак и мольберт. Лицо у него было длинное, бледное, глаза рассеянные, подбородок торчал вперед, словно принял какое-то решение, к которому непричастен отсутствующий взор. Оба были молоды, оба без шляпы - видимо, им стало жарко от ходьбы, но маленький держал соломенное канотье, а у высокого торчало из рюкзака серое фетровое ухо.

Они подошли, остановились, и коренастый бодро сказал своему спутнику:

- Ну, тут вам раздолье!

Потом он живо и вежливо спросил две кружки эля, а когда мрачный кабатчик скрылся в мрачных недрах своего увеселительного заведения, с той же живостью обратился к врачу:

- Мой друг - художник, - объяснил он, - и притом особый. Если хотите, он маляр, но не в обычном смысле слова. Он член академии, но не из тех, важных, а из молодых, и чуть не самый талантливый. Его картины висят на всех этих нынешних выставках. Но сам он считает, что главное его дело не выставки, а вывески. Да! Он обновляет кабацкие вывески. Вы не каждый день встретите гения с такой причудой. А как ваш кабак называется?

Он приподнялся на цыпочки, вытянул шею и взгляделся в почерневшую вывеску с каким-то буйным любопытством.

- "Восходящее солнце", - сказал он, резво оборачиваясь к своему молчаливому спутнику. - Прямо знамение! Мой друг поэтическая натура, - объяснил он. - Утром он говорил, что, если мы возродим настоящий английский кабачок, над Англией снова взойдет солнце.

- Говорят, над Британской империей оно никогда и не садится, - весело заметил врач.

- Я про империю не думал, - откликнулся художник так просто, словно размышлял вслух. - Трудно себе представить кабак на вершине Эвереста или на берегу Суэцкого канала. Но стоит потратить жизнь на то, чтобы наши мертвые кабаки очнулись и снова стали английскими. Если бы я мог, я бы ничего другого и не делал.

- Кто же и может, как не вы! - вмешался его спутник. Когда такой художник напишет на вывеске картину, кабак прославится на всю округу.

- Значит, - уточнил доктор Гарт, - вы действительно тратите все свои силы на кабацкие вывески?

- На что же их еще тратить? - спросил художник, явно напавший на любимую тему. Он был из тех, кто или отрешенно молчит, или пылко спорит. - Неужели достойней писать надутого мэра с золотой цепью или миллионершу в бриллиантах, чем великих английских адмиралов, которым приятно глядеть, как пьют доброе пиво? Неужели лучше изображать старого олуха, получившего по знакомству орден Св. Георгия, чем самого святого в схватке с драконом? Я обновил шесть Георгиев и даже одного одинокого дракона. Кабак так и назывался - "Зеленый дракон". Можно себе представить, что он - гроза и ужас тропических лесов. А "Синяя свинья"? Куда как поэтично! Вроде звездной ночи... Большой Медведицы... или

огромного кабана, который воплощал для кельтов первозданный хаос. Он потянулся за кружкой и стал жадно пить эль.

- Мой друг не только художник, он и поэт, - объяснил коренастый, похотливо глядя на него, словно дрессировщик, водящий редкого зверя. - Вы, наверное, слышали о стихах Габриела Гейла с его собственными иллюстрациями? Если они вас интересуют, я вам достану экземплярчик. Я - его агент, Харрел, Джеймс Харрел. Нас прозвали небесными близнецами, потому что мы неразлучны. Я не спускаю с него глаз. Сами знаете, эксцентричность - сестра таланта.

Художник оторвался от пивной кружки.

- Нет! - с боевым пылом начал он. - Талантливый человек должен стремиться к центру. Его место - в самом сердце мироздания, а не на дальних окраинах. Считается, что звание эксцентрика - это лесть, комплимент. А я скажу: дай мне, господи, центричность, сестру таланта!

- Все подумают, - сказал доктор Гарт, - что вы, напившись пива, невнятно произносите слова. Да, обновлять старые вывески очень романтично. Но я мало смыслю в романтике.

- Это не только романтика! - с живостью возразил Харрел. - Это и практично, это деловая идея! Вы уж мне поверьте, я человек деловой. Выгода не нам одним, выгода всем - и кабатчику, и крестьянам, и лорду, всем. Вы взгляните на эту заштатную пивную! Но если мы приналяжем, тут все через год загудит, как улей. Помещик откроет дорогу, пустит смотреть свой замок, построит мост, мы повесим картину самого Гейла, и культурные люди потянутся сюда со всей Европы, а завтракать будут здесь.

- Глядите-ка! - воскликнул врач. - Кто-то вроде бы уже едет. Наш меланхолический хозяин жаловался на безлюдье, но я смотрю, тут прямо фешенебельный отель.

Все стояли спиной к дороге, лицом к кабачку, но, еще до того как доктор заговорил, поэт и художник почувствовали чье-то приближение. А может быть, они просто увидели на земле длинные тени двух людей и лошади. Гейл оглянулся и не смог повернуть голову обратно.

По дороге ехала двуколка. Поводья держала темноволосая девушка в лайковых перчатках и синем, не очень новом костюме. Рядом с ней сидел мужчина лет на десять старше, но совсем старый с виду. Его тонкое лицо осунулось, как у больного, а большие серые глаза глядели тревожно и затравленно.

Минуту царило молчание, лотом звонкий девичий голос как бы откликнулся на слова доктора: "Конечно, позавтракать тут можно". Девушка легко спрыгнула на землю и встала рядом с лошастью, а спутник

ее слез медленно и без особой решимости. Светлый костюм не совсем подходил к его изнуренному лицу, и улыбался он криво и жалобно, когда сказал Харрелу:

- Надеюсь, вы не подумаете, что я подслушивал. Вы ведь не очень тихо говорили...

Поскольку Харрел орал, как зазывала на ярмарке, он улыбнулся и благодушно ответил:

- Я говорил то, что всякий скажет: помещик может много выжать из такой собственности. А кому интересно, пусть слушают, я не против.

- Мне интересно, - отвечал новоприбывший. - Я... я помещик, если они теперь бывают.

- Простите, - сказал Харрел, все еще улыбаясь.

- Ничего, я не обижаюсь, - отвечал помещик, - честно говоря, я думаю, что вы правы.

Габриел Гейл глядел на девушку в синем больше, чем предписывает вежливость, но художникам и рассеянным людям это иногда прощают. Он очень рассердился бы, если бы Харрел заговорил о сестре таланта, и еще не доказано, что его интерес мы вправе назвать эксцентричным. Леди Диана Уэстермэйн украсила бы любую вывеску и даже возродила бы угасшую славу академической живописи, хотя давно прошло время, когда ее семья могла бы заказать ее портрет. Волосы у нее были странного цвета - черные в тени, а на свету почти рыжие; темные брови немного хмурились, а в огромных серых глазах было меньше тревоги, чем у брата, и больше скорби. Гейл подумал о том, что ее снедает духовный, а не плотский голод, и о том, что голод - признак здоровья. Думал он это в те минуты, когда не помнил о вежливости; а вспомнив, повернулся к остальным. Тогда девушка стала смотреть на него, правда не так восторженно.

Тем временем Джеймс Харрел буквально творил чудеса. Не как ловкий зазывала, а как искусный дипломат он оплетал помещика паутиной заманчивых предложений. Он и впрямь напоминал тех одаренных воображением дельцов, о которых мы столько слышим, но нигде их не видим. Человек вроде Уэстермэйна и представить себе не мог, что такие дела ведут не через юристов, не в письмах, не месяцами, а сразу, на месте. Новый мост, украшенный лучшей резьбой, уже перекинулся к обновленной дороге, по всей долине запестрели поселки художников, приносящие немалый доход, а золотое солнце с подписью самого Гейла сверкало над головой, знаменуя утреннюю зарю надежды.

Все опомниться не успели, как самым дружеским образом усаживались в зале за накрытый стол, словно за круглый стол

переговоров. Харрел рисовал планы прямо на столешнице, подсчитывал что-то на листках бумаги, складывал, вычитал, округлял, ловко отбивал возражения и с каждой минутой становился бодрей и деловитей. Он всех заморозил, все верили ему, потому что он сам себе так явно верил; и помещик, не видевший таких людей, не мог бороться с ним, даже если бы хотел. Только леди Диана, не поддавшись суете, глядела через стол на Гейла, и Гейл отрешенно глядел на нее.

- А вы что скажете, мистер Гейл? - наконец спросила она, но Харрел ответил за своего подопечного, как отвечал за всех и за все:

- Вы его о делах не спрашивайте! Он у нас - статья дохода, он к нам пригонит художников. Да и сам он - великий художник, а художники смыслят только в живописи. Не бойтесь, он не обидится. Ему все равно, что я говорю и что другие говорят. Он по часу не отвечает.

Однако на сей раз художник ответил много раньше:

- Надо бы спросить хозяина, - сказал он.

- Ладно, ладно! - крикнул Харрел и вскочил с места. Спрошу, если хотите. Я сейчас.

- Мистер Харрел - очень живой человек, - улыбнулся помещик. - Но именно такие люди и делают дела. Я хотел сказать, дела практические.

Его сестра, слегка хмурясь, снова глядела на художника;

быть может, ей стало жалко, что он так непрактичен. А он улыбнулся ей и сказал:

- Да, в практических делах я разбираюсь плохо...

И тут раздался крик. Доктор Гарт вскочил. За ним вскочил Гейл, а потом все кинулись через дом к входным дверям. Добежав до них, Гейл загородил их и громко сказал:

- Даму не пускайте!

То, что помещик увидел над его плечом, было и впрямь страшно. На вывеске, изображавшей солнце, висел человек.

Черная фигурка не больше минуты виднелась на фоне неба доктор Гарт перерезал веревку. Ему помогал Харрел, который, вероятно, и дал сигнал тревоги. Врач склонился над несчастным кабатчиком, выбравшим такую замену для синильной кислоты. Повозившись немного, Гарт вздохнул с облегчением и сказал:

- Жив. Сейчас оправится. Ну зачем я оставил веревку! Надо было затянуть саквояж, как приличные люди, а я обо всем забыл в этой суете. Да, мистер Харрел, для него солнце могло и не взойти.

Харрел и врач перенесли кабатчика в кабак. Гейл рассеянно шагал по садику и хмурился, глядя на вывеску, которая чуть не стала виселицей

(стол, по-видимому, сыграл роль пресловутого стула). Вид у художника был не столько огорченный, сколько озадаченный.

- Какая беда... - сказал помещик. - Конечно, я здесь мировой судья, и все прочее, но мне бы очень не хотелось вызывать полицию. Жаль его, беднягу.

При слове "полиция" Габриел Гейл резко обернулся.

- А я и забыл! - громко и грубо сказал он. - Конечно, его надо запереть, чтобы он понял, как прекрасна жизнь и как весел и светел мир.

Он засмеялся, нахмурился, подумал и отрывисто произнес:

- Вот что... окажите мне услугу... довольно странную. Разрешите мне с ним поговорить, когда он придет в себя. Оставьте нас на десять минут, и я обещаю вылечить его от тяги к самоубийству лучше, чем полисмен.

- Почему именно вы? - спросил врач с естественной досадой.

- Потому что я не смыслю в практических делах, - отвечал Гейл, - а вы все вышли сейчас за их пределы.

Ему никто не возразил, и он продолжал с той же непонятной властью:

- Вам нужен непрактичный человек. Он всегда нужен в беде, он - последняя надежда. Что тут сделает практичный человек? Будет бегать за ним день и ночь и снимать его с вывесок? Будет прятать от него все веревки и бритвы? Вы запретите ему умереть, больше вы сделать не можете. Убедите ли вы его жить? Вот тут-то и выходим мы. Только тому, кто витает в облаках, под силу такое практическое дело.

Остальные все больше удивлялись ему - он словно взял власть, заполнил сцену; и не перестали удивляться, когда минут через двадцать он снова вышел к ним и весело сказал, что кабатчик больше не повесится. Потом он вскочил на стол и принялся рисовать мелом на буром лице восходящего солнца.

Леди Диана глядела на него настороженно и невесело. Она была умнее прочих и поняла все то, что казалось им чудачеством поэта. Она поняла, с какой иронией посоветовал он спросить хозяина, предваряя моралью страшную басню. Они и впрямь подумали обо всем и обо всех, кроме владельца обреченного кабачка. Она видела, что поэт действительно оказался полезней полисмена. Но она чувствовала, что сам поэт занят еще чем-то, его что-то мучает, что-то тревожит, хотя на вид он так легок и весел. Однако он рисовал смело, даже лихо, когда она обратилась к нему:

- Неужели вам не страшно? - спросила она. - Ведь он вешался здесь, как Иуда.

- Ужасно предательство Иуды, а не его самоубийство, отвечал Гейл. - Я

как раз придумал для вывески похожий сюжет. Смотрите! В центре - большая голова, - он несколько раз ударил мелом по солнцу, намечая тени. - Лицо он закрыл руками, а за ним занимается заря. Тут, сбоку, - багряные облака, тут - багровый петух. Величайший святой, величайший грешник в ореоле восходящего солнца и петух, призвавший его к покаянию.

Он говорил, рисовал, и ей казалось, что неведомая тень больше не падает на него. Яркое предзакатное солнце залило ослепительным светом и его, и вывеску, выглянув из темнеющих предгрозовых туч. На фоне их зловещей синевы и зловещего багрянца он походил на мастера из легенды, облаченного в золото и расписывающего фресками золотую часовню. Сходство стало еще больше, когда голова и сияние апостола проступили из-под его руки. Леди Диана представляла себя порой в былых веках, о которых, надо признаться, знала не слишком много, и сейчас ей показалось, что она видит воочию священное ремесло средневековья.

К несчастью, между ней и солнцем встала тень, ничуть не напоминающая о средних веках. Практичный Джеймс Харрел в шляпе набекрень вскочил на стол и сел почти у самых стоп художника, болтая ногами и нагло пыхтя сигарой.

- Глаз да глаз! - сказал он, обращаясь к даме. Смотрю, как бы чего не выкинул.

Голос его и поза как-то не вязались со старым священным ремеслом.

Диана Уэстермэйн толково объяснила себе самой, что сердиться не на что; и все же сердилась. Ее разговор с Гейлом не был тайным, но когда в него вмешался третий, она сочла это дерзостью. Она никак не могла понять, зачем рыцарственному художнику таскать за собой такого развязного человека. Кроме того, ей хотелось послушать еще об апостоле Петре или о чем-нибудь другом. Плюхнувшись на стол, делец пробормотал что-то вроде "конечно, мы люди маленькие...". Если бы он вдруг повис на вывеске, трудно ручаться, что леди сняла бы его.

Вдруг над ее ухом раздался наконец вполне нормальный голос:

- Простите, можно с вами поговорить?

Она обернулась и увидела врача. Он держал чемоданчик.

- Перед отъездом, - сказал он, - я должен предупредить вас.

Они прошли немного по дороге, и он торопливо и резко обернулся к ней.

- Мы, врачи, - начал он, - часто попадаем в щекотливое положение. Я обязан поговорить с вами на довольно деликатную тему. С вами, а не с вашим братом, потому что у него нервы в гораздо худшем состоянии. Эти люди, обновляющие вывески, кажутся мне подозрительными.

Оттуда, где они стояли, леди Диана видела вывеску, обновлявшуюся на глазах, и высокого, чуть не пляшущего человека, залитого солнечным светом, и маленькую черную фигурку у его ног. Ей казалось, что она видит того, кто творил чистые цвета на заре мира.

- Их прозвали небесными близнецами, - говорил врач, потому что они не расстаются. Много есть неразлучных пар и много причин не расставаться, но одна пара, одна причина по моей части, и мне неприятно, что это коснулось вас.

- Я ничего не понимаю, - сказала леди Диана.

- А что, если это сумасшедший и санитар? - спросил доктор и быстро ушел по дороге, не дожидаясь ответа.

Теперь леди Диане показалось, что она летит в бездну с высокой башни; и еще ей показалось, что башня не очень высока и бездна не очень глубока. Эти мысли ее и чувства прервал голос брата, быстро приближавшегося к ней.

- Я пригласил их к нам, - сказал он. - Обсудим все как следует. Давай поедем, надвигается гроза, и вода прибывает. Ехать придется по двое, коляска наша мала.

Словно во сне она отвязала лошадь и взяла поводья. Словно во сне слышала голос, раздражавший ее: "Небесные близнецы, да... никогда не расстаемся", и голос брата: "Ну, это на минутку... я пошлю за вами Уилсона. Вы простите, только двое помещаются..." Брат и делец разговаривали у дверей кабачка, а Гейл уже спрыгнул со стола и стоял у двуколки.

Она почему-то потеряла терпение и сказала так, словно иначе и быть не может: - Вы поедете первым, мистер Гейл?

Художник побелел, словно белый свет молнии осветил его лицо. Он оглянулся, вскочил на сиденье, и лошадь, вскинув голову, направилась к броду. Выше по течению уже шел дождь, вода доходила лошади до колен, и леди Диане казалось, что и она, и ее спутник переходят Рубикон.

Конюх Уилсон - один из немногих обитателей замка отойдет в свое время к праотцам, так и не узнав, какую роль он сыграл в тревожных событиях того вечера. Хотя его жизнь интересна, как жизнь всякого образа Божия, с этой историей она больше ничем не связана. Достаточно будет сказать, что он был глуховат и, по обыкновению конюхов, лучше разбирался в лошадях, чем в людях. Леди Диана зашла к нему в конюшню, стоявшую у самой реки, и велела отвезти обратно двуколку. Говорила она торопливо и торопила его, потому что в грозу брод исчезал; и мысли его полностью обратились к лошади. Он тронулся в путь под темнеющим небом и у кабачка услышал громкие возбужденные голоса. Ему показалось,

что кто-то спорит или ссорится, а его хозяин крикнул ему, что сейчас не до него. Тогда, от греха подальше, он вернулся на свою конюшню, радуясь, что его любимице не пришлось пробираться сквозь бурный поток. Потом он занялся чем-то своим, предоставив судьбе довершать его дело.

Тем временем Диана Уэстермэйн, выйдя из конюшни, пыталась нагнать гостя и шла наперерез, через заросли цветов. Взглянув наверх, она увидела, что летучий остров или материк грозовой тучи выплывает из-за темного леса, окаймлявшего долину. Чистые цвета сада стали мертвенными в предгрозовом свете, но выше, у замка, газон еще сверкал золотом, и на золотом фоне четко выделялся тот, кого она хотела догнать. Она узнала светло-коричневый костюм, позолотевший в последних ярких лучах, но сама фигура показалась ей странной. Гейл вроде бы размахивал поднятыми руками, и ее удивило, что руки у него такие длинные. На миг ей показалось, что он - урод, хуже того - безголовое чудовище. Но страшное видение сменилось нелепым: художник перевернулся и смеясь встал на ноги. Он просто стоял на голове или, скорее, на руках.

- Простите, - сказал он, - я так часто делаю. Пейзажисту надо увидеть пейзаж вверх ногами. Тогда он видит все таким, как оно есть. Это верно и в философии, не только в живописи.

Он помолчал и прибавил:

- Когда ангел висит вниз головой, мы знаем, что он оттуда, с неба. Только тот, кто приходит снизу, высоко держит голову.

Хотя говорил он весело, она с опаской подошла к нему и не успокоилась, когда он сказал потише:

- Открыть вам тайну?

Над ними тяжело загрохотал гром, и голос Гейла стал похож на звонкий шепот.

- Мир висит головой вниз. Мы все висим головой вниз. Мы - мухи на потолке и не падаем только по неизреченной милости.

Сумерки озарились ослепительным светом, и леди Диана с огорчением увидела, что Гейл не смеется.

- Что вы такое говорите... просто бред какой-то... раздраженно начала она, и голос ее заглушил грохот грома, в котором ей слышалось "бр-р-ред", "бр-р-ред", "бр-р-ред". Сама того не сознавая, она сказала вслух то, о чем и думать боялась.

В саду еще не было дождя, хотя он лил над рекой. Но если бы он лил и здесь, Гейл бы, наверное, его не заметил. И в более спокойные минуты он умел говорить о своем, не слыша ничего.

- Вот мы с вами вспоминали слова апостола Петра, говорил он, - а он

ведь распят вниз головой. Я часто думаю о том, что в награду за свое смирение он увидел, умирая, прекрасную страну детства. Ему тоже открылся истинный пейзаж - цветы звезд, горы туч и люди, висящие вниз головой на ниточке милости Божией.

Тяжелые капли дождя упали на него, и он их заметил. Он очнулся, чуть не подпрыгнул, словно его укусила оса, и сказал иначе, совсем просто:

- Господи, где Харрел? Что они там делают?

Сама не зная почему, Диана побежала сквозь кусты и цветы на ближайший пригорок и посмотрела туда, где стоял приют восходящего солнца. И увидела, что между ним и ею течет река, непроходимая, как река смерти.

Почему-то ей показалось, что это - важнее и страшнее, чем перспектива остаться наедине с сумасшедшим. Ей показалось, что само безумие - неприятная случайность, отделяющая ее от какой-то великой радости. Темная река текла между ней и ее волшебным царством.

Габриел Гейл страшно закричал. Он тоже увидел, что брода больше нету.

- Вы правы, - сказал он. - Вы говорили об Иуде, а я посмел говорить о Петре. Я богохульствовал, и мне нет прощения. Теперь я - предатель. - Он помолчал и прибавил тише:

- Да, я - человек, продавший Бога.

Ей стало так больно, что она очнулась. Она слышала, что сумасшедшие иногда обвиняют себя в чудовищных грехах. Храбрость вернулась к ней, она была готова сделать что угодно, но не понимала, что делать. Об этом она и думала, пока ее собеседник не подсказал ей ответ: он побежал к реке.

- Доберусь вплавь, - говорил он. - Нельзя было его оставлять. Бог знает, что может случиться.

Она побежала за ним и с удивлением увидела, что он свернул к конюшне. Не понимая толком, на каком она свете, она глядела, как он укрощает упирающуюся лошадь, и почему-то радовалась, что он такой сильный, хотя знала, что безумцы сильны. Она пришла в себя, и достоинство не позволяло ей смотреть сложа руки, как он идет на верную смерть. Хоть он и сумасшедший, думала она, сейчас он прав, ему нельзя оставаться без санитаров. Она не вправе допустить, чтобы последний проблеск разума обрекло на гибель безрассудство болезни.

- Править буду я, - звонко сказала Диана, - меня она слушается.

Солнце скрылось за холмами, и стало вдвойне темно - и от вечернего мрака, и от грозы. Двуколка тяжело погрузилась в воду по ступицу колеса,

и леди Диана смутно видела, как бегут по реке волны, словно бесплотные тени пытаются переплыть реку смерти и вернуться в мир живых. Слова "река смерти" не звучали теперь иносказанием. Смерть то и дело подступала к коляске и к лошади; гром гремел в ушах, и не было другого света, кроме блеска молнии. Спутник ее говорил и говорил, и обрывки его речи казались ей страшнее грома. Разум и реализм подсказывали ей, что он в любую минуту может ее растерзать. Но за этим всем жило что-то другое, невысказанное, порождавшее и доброту ее, и отвагу. Оно лежало глубоко в ее смятенной душе, и она не знала, что это ликующая радость.

Когда они добрались до берега, лошадь чуть не упала, но Гейл выскочил из двуколки и удержал ее, стоя по колени в воде.

Сквозь грохот грозы леди Диана слышала голоса, высокие и резкие, словно ссора, которую слышал конюх, поднялась высоко, как вода в реке. Потом что-то упало, наверное стул. Гейл вытащил лошадь на сушу с поистине бесовской силой, бросил поводья и кинулся к кабачку.

И сразу же в дверях одинокой и мрачной таверны раздался страшный крик. Он прокатился по реке, замер в камышах, подобных погибшим душам у Стикса, и самый гром замолк и затаил дыхание, услышав его. Сверкнула молния, и в мгновенном белом свете четко выступили все мелочи пейзажа, от веточек в лесу, за долиной, до клевера у реки. С той же четкостью леди Диана увидела на секунду гнусную, невероятную, но знакомую картину, вернувшуюся в мир яви, как возвращается в мир сна измучивший нас кошмар. На алой и золотистой виселице вывески висела черная фигурка. Но это был не кабатчик.

На секунду Диане показалось, что теперь она сошла с ума, что это ей мерещится, а на самом деле у нее просто пляшут перед глазами черные точки. И все же одна из этих точек была ее братом, висевшим на вывеске, а другая, и впрямь плясавшая, - деловитым мистером Харрелом.

Стало темно, и в темноте она слышала мощный голос Гейла. Она и не знала, что у него может быть такой голос.

- Не бойтесь! - кричал он, заглушая ветер и гром. - Он жив!

Она еще ничего не понимала, но почувствовала одно: они приехали вовремя.

Не понимая ничего, она прошла сквозь бурю, очутилась в зале и увидела в тусклом свете керосиновой лампы трех персонажей неудавшейся трагедии. Брат ее сидел или лежал в кресле, перед ним стоял стакан джина. Габриел Гейл, очень бледный, говорил с Харрелом тихо, спокойно и властно, как говорит человек с провинившимся псом.

- Посидите у окна, - говорил он. - Придите в себя.

Харрел послушно сел у окна и глядел на грозу, не слыша и не слушая прочих.

- Что это все значит? - спросила наконец Диана. - Я думала... честно говоря, доктор мне сказал, что вы двое сумасшедший и санитар.

- Как видите, так оно и есть, - ответил Гейл. - Только санитар вел себя гораздо хуже, чем сумасшедший.

- Я думала, это вы сумасшедший, - просто сказала она.

- Нет, - отвечал он, - я преступник.

Теперь они стояли у дверей, голоса их заглушал гром бури, и они были одни, как там, за рекой. Она вспомнила, как странно говорил он тогда, и неуверенно сказала:

- Вы говорили ужасные вещи, вот я и думала... Я не могла понять, зачем вы так себя обвиняете.

- Да, я говорю иногда вещи дикие, - сказал он. - Может, вы и правы, я - свой среди безумцев, потому они меня и слушаются. Во всяком случае, этот безумец слушается меня одного. Это долго рассказывать, я вам расскажу в другой раз. Он, бедняга, меня спас, я обязан теперь за ним присматривать и оберегать его от жестоких, как бесы, должностных лиц. Понимаете, говорят, что у меня особый дар - воображение богатое, что ли. Я всегда знаю, что безумец подумает или сделает. Я их много видел - и религиозных маньяков, которые считали себя Богом или худшим из грешников, и революционных маньяков, которые поклонялись динамиту или наготы, и философских маньяков, которым казалось, что они живут в другом мире, чем мы... да они в нем и жили, собственно. Но самым безумным из моих безумцев оказался деловой человек.

Он печально улыбнулся, и печать трагедии снова легла на его лицо.

- А что до обвинений, я сказал меньше, чем надо бы. Ведь я покинул пост, бросил друга в беде, предал Бога. Правда, раньше у нас такого не бывало; но я заподозрил неладное еще тогда, с кабатчиком. Кабатчик и сам хотел умереть, Харрел ему только помог, но идея вызрела у него в голове. Я не думал, что он тронет вашего брата, иначе бы я... Да что извиняться, когда извинений мне нет! Я слушал себя одного, пока дело не дошло до убийства. Это меня надо повесить на вывеске, хотя заслужил я худшего.

- Почему же... - не подумав, начала она и резко замолчала, словно глазам ее открылся неведомый мир.

- Почему! - повторил он. - Вы и сами знаете. Вы помните, ради чего часовые покидали пост. Вы помните, ради чего Троил покинул Трою, а может - и Адам покинул рай. Мне не нужно вам объяснять, да я и не вправе.

Она глядела во тьму, и на ее лице застыла странная улыбка.

- Вы обещали мне рассказать ту, другую историю, - сказала она. - Вот и расскажете, если мы встретимся.

Диковинные друзья ушли наутро, когда солнце взошло над дорогой. Гроза покинула долину, дождь улегся, пели птицы. Странные вещи случились до того, как Диана снова встретилась с Гейлом; но сейчас ей стало легко, и она погрузилась в созерцание. Она вспоминала его слова о мире, перевернутом головой вниз, и думала о том, что за прошлый вечер мир несколько раз перевернулся. Почему-то ей казалось, что теперь он стоит так, как надо.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)